
A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛIОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ВОСПОМИНАНІЯ

И

ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА ВИСКОНТИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1868.

ВОСПОМИНАНІЯ

И

ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА ВИСКОНТИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА, ОФИЦЕРСКАЯ УЛИЦА, ДОМЪ № 26.

1868.

Дозволено Цензурою. С. Петербургъ, 7 марта 1868 г.

БЫВШИМЪ СОСЛУЖИВЦАМЪ МОИМЪ

ПЕРЕЯСЛАВСКАГО ДРАГУНСКАГО

Его Императорскаго Высочества

Великаго Князя (нынѣ Наслѣдника Цесаревича)

АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА

ПОЛКА.

ПОСВЯЩЕНІЕ

Плоды душевныхъ впечатлѣній,
Безумныхъ юношескихъ грёзъ,
Младаго сердца увлеченій, —
Я вамъ, друзья мои, принёсъ:

Пріймите трудъ мой въ память дружбы,
Помянемъ нашу жизнь въ глуши,
Былые дни кавказской службы
Благословимъ мы отъ души!

На память вамъ мои страницы,
Пускай приводятъ иногда
Жизнь на Царяхъ, житьё станицы, —
Давно минувшіе года . . . .

Я, вспомнивъ молодость украдкой,
Видъ горъ и синій небосклонъ,
Приволье жизни нашей сладкой,
Вамъ и Кавказу шлю поклонъ.

С. Петербургъ 21 февраля 1868 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТЕМНИЦА

—

Въ минуту горести, тоскою сокрушённый,
Томлюся я одинъ, въ безвѣстіи глухомъ,
Надеждой тщетною давно ужъ обольщённый,
Въ отчаяньи, мечу угасшій взоръ кругомъ.
Лучь солнечный меня въ темницѣ не согрѣетъ,
Безоблачныхъ небесъ не узритъ грѣшный взоръ;
Неумолимый вѣтръ въ окно, съ присвистомъ, вѣетъ,
Казня какъ будто бы заслуженный позоръ.
Безмолвно всё, мертво, и хладъ сырой могилы
Объемлетъ трепетомъ волнующую кровь,
Лишь изрѣдка вдали звонъ слышенъ заунылый —
Со всѣхъ церквей весь хоръ колоколовъ.
Раскаянье въ душѣ отраду изливаетъ,
Колѣни преклоня, молю я Божество,
Но демонъ, съизнова, молитву искажаетъ,
Взирая съ гордостью на злое торжество.

С.-Петербургъ 1856 г.

МЫСЛИ ВЪ ТЕМНИЦѢ

Какъ дымъ табачный улетаетъ
И вьётъ густыя облака,
Такъ мнѣ надежда измѣняетъ,
Звѣзда спасенья далека.
Извѣдавъ жизни испытанья,
Я много горя потерпѣлъ,
И люди! ваше состраданье
Не облегчаетъ мой удѣлъ.
Душа сіяньемъ озарится,
Ждёшь съ нетерпѣніемъ посла,
Но тщетно призракъ милый снится,
Душа напрасно весела.
Мечтой витаешь окрылённой
Въ кругу семьи своей родной,
Но вновь отъ бреда оживлённый,
Зришь тьму и скуку предъ собой.

С.-Петербургъ 1856 г.

К. С.....О

—

Какъ грустно жить въ странѣ далёкой,
Вдали отъ родины своей,
Вдали невѣсты черноокой
И, сердцу милыхъ намъ друзей.
Но какъ смягчить удѣлъ печальный,
Ударъ судьбы перенести,
Въ надеждѣ на обрядъ вѣнчальный, —
Съ смиреньемъ тяжкій крестъ нести ....
Клянусь я грустнымъ днёмъ разлуки,
Клянусь свиданья яснымъ днёмъ,
Клянусь томленьемъ адской муки
И сердца пламеннымъ огнёмъ:
Пока мой вѣкъ, столь быстротечный,
Не канетъ въ бездну можетъ быть,
Клянусь тебя и въ жизни вѣчной
Безумно, пламенно любить!
Какъ былъ бы счастливъ Казимира,

Взаимность пріобрѣсть твою;
Ты мнѣ всего дороже міра,
Тебя всѣмъ сердцемъ я люблю!
Увы, тоска меня терзаетъ,
Судьба на дняхъ насъ разлучитъ:
Здѣсь всё меня напоминаетъ,
Всё обо мнѣ тебѣ твердитъ.
Не забывай въ столицѣ бурной,
Мой добрый геній, ты меня,
И жизни праздной и мишурной
Бѣги ты блеска, какъ огня;
Бѣги людей, — они коварны,
Межъ ними мало такъ прямыхъ,
Они всегда неблагодарны,
Храни Господь тебя отъ нихъ!
Храни ты честь свою подруга,
Она всѣхъ выше благъ земныхъ,
И посвяти часы досуга
Ты Богу, Онъ оцѣнитъ ихъ;
Онъ создалъ насъ Своей Рукою
И отзовётъ насъ въ грозный часъ,
Помолимъ мы Его съ тобою —
И счастье не покинетъ насъ.

5

Мнѣ душу разрываетъ мука,
Лишь сердце бьётся для тебя,
И буду ожидать я дня,
Когда окончится разлука.

С.-Петербургъ 30 Апрѣля 1857 г.

П. М . . . . ВУ

Къ чему любезный другъ, ты плачешь, изсыхаешь,
И на предметъ любви безъ отдыха глядишь,
Весь день, повѣсивъ носъ, вздыхаешь, да вздыхаешь,
И имя жалкое съ отчаяньемъ твердишь?
Что толку отъ любви, когда твоя Агнеса
Другихъ желаетъ чувствъ фактически-яснѣй,
Когда она, какъ волкъ, густаго ищетъ лѣса,
Скажи мой пастушокъ, что сдѣлаешь ты съ ней?
Начнёшь ей говорить о радости невинной,
Захочешь пѣсню спѣть, не стоитъ другъ, не пой,
Лишь слушайся всегда пословицы старинной:
«Съ волками коль живёшь, по волчьему и вой.»
Коль скажетъ вдругъ тебѣ твой идеалъ прелестный:
«Какъ я тебя люблю!» отвѣть ей: — докажи!
Повѣрь мнѣ, избѣгай ты силы глазъ чудесной
И съ разу красотѣ ты деньги покажи.

Пылъ сердца береги..... монета все устроитъ,
Всѣ таинства любви сольются предъ тобой,
Когда жъ тебя союзъ замучитъ и разстроитъ, —
Лишь только кошелёкъ отъ глазъ прелестныхъ скрой.

Дача Лѣснаго Корпуса 1857 г.

КАВКАЗЪ

—

Страной, увѣнчанной природой,
Я восхищаюсь каждый разъ;
Плѣнился я твоей свободой,
О дикій, мстительный Кавказъ!
Люблю я нравъ твой смѣлый, грозный,
Люблю твоихъ прелестныхъ дѣвъ,
И небосклонъ твой ясный, звѣздный,
И пѣсень Грузіи напѣвъ;
Люблю я въ саклѣ у мирнаго,
У друга горца побывать
И, отлучившись отъ земнаго,
На пляски дѣвушекъ взирать.
Наѣздникъ-хищникъ мнѣ не страшенъ,
Съ булатной шашкой на бедрѣ,
Онъ весь блеститъ, онъ весь украшенъ,
Обшитъ, окованъ въ серебрѣ.
Въ долинахъ Грузіи счастливой,

Ростётъ гдѣ пышный виноградъ, —
Я обречёнъ судьбѣ тоскливой,
Теперь счастливѣй во стократъ,
Чѣмъ тамъ на сѣверѣ безплодномъ,
Гдѣ вьётся лентою Нева,
Въ родномъ Петрополѣ холодномъ,
Разстался съ коимъ я едва.
Душа чиста, душа покойна,
Здѣсь край блаженный, рай земной!
Подъ сѣнью лозъ такъ дышешь вольно,
Какъ никогда ужъ надъ Невой.

Ур. Царскіе Колодцы 1857 г.

---

*
* *

Мнѣ скучно и грустно въ чужой сторонѣ,
Здѣсь сиръ я, не вспомнитъ никто обо мнѣ;

Живу я печально и скромно въ тиши,
Есть много страданій для слабой души;

Внимаю журчанью я съ горъ ручейка,
Но всёжъ меня мучитъ, терзаетъ тоска;

Стараюсь развлечься красоткою я,
Продажная страсть не прельщаетъ меня;

Желаю забыться я въ сладостномъ снѣ,
Отъ злыхъ сновидѣній покоя нѣтъ мнѣ;

Гляжу я безъ цѣли въ пустынную даль,
И прежнихъ дней жизни мнѣ страшно какъ жаль.

Ур. Царскіе Колодцы 1858 г.

---

*
* *

Тамъ, гдѣ небо вѣкъ въ туманѣ,
Нѣтъ ни рѣчки, ни лѣска,
Въ Закавказьи, за горами,
Нашъ угрюмый штабъ полка:
Избы, крытыя соломой,
Бабы, карты, да вино,
Караульный домъ знакомый, —
Вотъ мы видимъ лишь одно.
Нѣтъ разсудку развлеченій,
Чувствамъ тоже пищи нѣтъ,
Жизнь безъ цѣли, безъ стремленій,
Безъ паденій, безъ побѣдъ!

Ур. Царскіе Колодцы 30 Марта 1858 г.

ЕЛЕНА

—

Какая скука жить въ глуши,
Безъ всякой пищи для души.
Ахъ грустно мнѣ! въ душѣ моей
Сокрыта тьма печали тайной
И никогда уже для ней
Не будетъ радости случайной.....
Вотъ слышу я почтовый звонъ,
Летитъ конвертъ ко мнѣ дорогой,
Пятью печатями скрѣплёнъ,
Подарокъ матушки нестрогой;
Пускай мнѣ шлётъ, спасибо ей,
Мнѣ деньги нужны для затѣй.
— Эй, запрягай Иванъ скорѣй!
Такъ крикнулъ я, съ тоски зѣвая,
И вскорѣ у моихъ дверей
Стояла тройка удалая.

— Куда мнѣ ѣхать, Боже мой!
Въ Сигнахъ, въ Тифлисъ, не знаю право?
— «Поѣдемъ, баринъ дорогой,
«Въ Тифлисъ,» сказалъ Иванъ лукаво;
И вотъ ужъ скрылся штабъ полка,
Усталый взоръ мой прояснился,
Запѣвши пѣсню «ямщика»,
Я весь въ раздумье погрузился.

Какъ славно зимнею порою,
Вдоль по дорогѣ столбовой,
Съ весёлой, чистою душою,
Летѣть на тройкѣ удалой;
Душа надеждою полна,
Къ чему-то новому она,
Со всею силою стремится,
Блуждаетъ взоръ по сторонамъ,
Проѣхалъ день, а смотришь тамъ, —
И началъ свѣтъ по малу тьмиться;
Вечерній свѣтъ, валдайскій звонъ,
Всё въ душу льётъ отрадный сонъ.....

Тифлисъ — . . . .

. . . .

Надуть и провести хитро
Всѣхъ добродушныхъ — мастерица.
Но я увлёкся далеко,
Поднялось солнце высоко
Надъ бѣлоснѣжными горами,
Кура блеснула предо мной
Своею мутною волной, —
И вотъ Тифлисъ уже предъ нами.

Въ какія радостныя думы
Погружены мы завсегда,
Когда покинувъ штабъ угрюмый,
Мы посѣщаемъ города.....
Какая тьма костюмовъ разныхъ,
Чужихъ нарѣчій, языковъ,
Персъянъ, Армянъ, Грузиновъ грязныхъ,
Татаръ, Лезгинъ и Кумыховъ ;
Грузинокъ много тамъ прекрасныхъ,
Покрытыхъ бѣлою чадрой,

О, сколько взоровъ пылкихъ, страстныхъ,
Онѣ бросаютъ предъ собой.
Толпа какая на Майданѣ :
Торгуютъ хитрые Армяне
Своимъ товаромъ полгнилымъ ;
Тамъ дальше — дикій крикъ, смятенье,
Какъ въ будни, такъ и въ воскресенье,
Всё льётся говоромъ глухимъ.....

Остановился я въ слободкѣ,
Её «*Собачьей*» всѣ зовутъ,
Хотя повѣрьте, въ околодкѣ
Не псы, а люди всё живутъ.
Коней уставивъ подъ навѣсомъ,
А самъ я въ саклѣ кое какъ
Съ моимъ Иваномъ-куралесомъ
Расположился на бивуакъ.
Хозяйка — добрая бабёнка
И въ своемъ родѣ не дурна :
Глаза — молочнаго телёнка,
Лицомъ же — круглая луна ;

Но я не промахъ, тутъ сосѣдка
Сидитъ милѣе во стократъ,
Я на неё гляжу нерѣдко
И прожигаетъ этотъ взглядъ.....
Слова не связны..... сердце бьётся
Во мнѣ, какъ молотъ..... но вотъ, вотъ,
Я вижу, что она смѣётся
И мнѣ надежду подаётъ.....
Грузинки, видывалъ я васъ,
Такую жъ прелесть въ первый разъ
Я встрѣтилъ, Боже, что за глазки!
И что за звучный голосокъ!
Ну право я пишу не сказки;
Издревле славится Востокъ
Глазами женщинъ, но такихъ
Нѣтъ, нѣтъ ни у одной изъ нихъ!

Елена, такъ зовутъ красотку,
Свѣжа, картинно-хороша!
Спросите всю объ ней слободку:
— Кто это? — «Леночка-душа!».....

Влюбился я, какая слабость!
Тому виной отчасти младость,
Но цѣль, — вѣдь замужемъ она!
Сбить трудно женщину съ ума,
Но разъ достигъ — тогда конецъ,
Пойдётъ хоть снова подъ вѣнецъ.
Я молвилъ ей, махнувъ рукою,
(Что будетъ — сбудется со мною:)
— Елена, душка, ты во мнѣ
Духъ пылкой страсти возбудила,
Вся кровь моя кипитъ въ огнѣ,
Душа страданья позабыла;
Не обращай вниманья ты
На свѣтъ, въ нёмъ много суеты,
Онъ чуждъ любви прямой и вѣчной,
Тебѣ въ нёмъ счастья не найти;
Рѣшись со мною провести
Минуты жизни скоротечной,
Клянусь, жизнь будетъ хороша,
Скорѣй рѣшись моя душа!....

Сперва, смутившися слегка,
Она подумала немного,
Была ль ей слишкомъ жизнь тяжка,
Иль искушенье духа злаго,
Но наконецъ взоръ чудный свой
Она къ груди своей склонила,
И внятно чуть проговорила:
— «Да будетъ, ѣду я съ тобой,
«И только бѣдность лишь моя
«Тому виною, — я твоя!».....

Вотъ бѣдность до чего доводитъ!
Иль климатъ здѣсь тому виной,
Что женскій стыдъ легко проходитъ,
Какъ сильный вѣтеръ проходной?
Живи ты мирно, скромно, тихо,
Но всего пуще берегись
Столицы, пробубенитъ лихо
Тебя плѣнительный Тифлисъ.
Увы, я слабъ, готовъ отдать
Я сердце миленькой вертушкѣ,

Но ей ли сердце разгадать,
Ей нужны — злато, погремушки....

И вотъ проститься даже смѣю
Съ Елены матерью, отцомъ,
Подъ брачнымъ будто бы вѣнцомъ
Обвѣнчанъ я на вѣки съ нею.
Въ обратный путь пустились мы,
Вотъ обогнули край тюрьмы,
Къ укромной саклѣ подъѣзжаемъ,
Тутъ тройка ждётъ уже меня,
Блеститъ наборная шлея
На ней, собаки съ громкимъ лаемъ
Бѣгутъ . . . . . . Но вдругъ изъ за угла,
Я вижу съ боку палисада —
Вооружённая засада.....
Елена въ страхѣ, какъ могла,
Хотѣла за ворота скрыться,
Но шайка вслѣдъ за ней стремится . . . .
Одинъ её опередилъ,
Упавъ къ ногамъ ея рыдая,

Я въ изумленіи слѣдилъ
За нимъ, развязки поджидая,
Но вотъ ко мнѣ подходитъ онъ,
Въ слезахъ, придерживая стонъ,
Онъ говоритъ мнѣ: «Я два года
«Её отъ мужа укрывалъ;
«Пропала для меня свобода,
«Я чрезъ неё подъ судъ попалъ.
«Теперь на всё рѣшился я!
«Но васъ прошу мнѣ помогите,
«А нѣтъ — такъ лучше же меня
«Моимъ кинжаломъ приколите.
«Я года два влюблёнъ въ неё,
«Въ ней жизнь, въ ней всё моё житьё!
«Хоть дайте мнѣ проститься съ нею,
«Прошу, какъ друга васъ о томъ,
«Везите вы её потомъ,
«Я васъ задерживать не смѣю.»
Я въ знакъ согласія кивнулъ,
Онъ руку съ чувствомъ протянулъ
И благодарности слеза
Смочила воина глаза.....

Питомецъ западной Россіи,
Ш . . . . . . вскій — такъ его зовутъ,
Покинулъ онъ края родные,
Теперь Кавказъ ему пріютъ;
Въ бояхъ онъ вѣчно впереди
И офицеръ достойный славы,
Но жалко право, отъ любви
Изчезъ въ нёмъ весь разсудокъ здравый.
Онъ за Елену потерялъ
И чинъ, и службу, и походы,
И безъ участья, безъ свободы,
Онъ жизнь на муки промѣнялъ.

Настала полночь, спитъ столица,
Во мракъ весь городъ погруженъ,
Скучна мнѣ сакля, какъ темница,
Ужъ я одѣтъ, вооруженъ:
— Пора, пора, прощай Ш . . . . . . вскій,
Елена, ѣдемъ поскорѣй!
А то смотри: твой мужъ чертовскій
Откроетъ умыселъ, ей-ей!

Но гдѣ Елена? Что же съ нею?
— Елена!.... Леночка!.... но нѣтъ,
Напрасно я мечусь, блѣднѣю,
Пропалъ ея прелестный слѣдъ.....
Я плюнулъ, сѣлъ, перекрестился,
Ивану крикнулъ: Маршъ скорѣй!
И въ ту же полночь я простился
Съ счастливой участью своей.

Ур. Царскіе Колодцы 1858 г.

ОТРЫВОКЪ

Мой милый другъ, пора съ тобой
Мнѣ побесѣдовать на волѣ,
Я не люблю кривить душой
И потому скажу не болѣ,
Какъ счастливъ я. Кавказъ давно
Моей души тревожилъ думы,
Мнѣ было вѣрно суждено
Покинуть сѣверъ вашъ угрюмый;
Я въ Грузіи второй ужъ годъ,
Два раза хаживалъ въ походъ;
Теперь живу въ краю прекрасномъ,
Въ тѣни межъ виноградныхъ лозъ,
Подъ небомъ знойнымъ, сладострастнымъ,
Не лью по родинѣ я слёзъ.....
Моей душѣ тутъ всё отрадно,
Ничто обратно не манитъ,
Быть можетъ, подъ кустомъ прохладнымъ

И прахъ мой будетъ здѣсь зарытъ.
Здѣсь, здѣсь въ забвеніи счастливомъ,
Въ восторгахъ сладостной любви,
Пройдутъ пылающимъ порывомъ
Всѣ годы лучшіе мои.
Я возвращусь на сѣверъ дальній,
Быть можетъ, грустный и печальный,
И вы, товарищи друзья,
Вы не узнаете меня. . . . .

Ур. Царскіе Колодцы 7 Декабря 1858 г.

НА СМЕРТЬ Н. И. РУБЦА

—

Товарищъ нашъ ты доблестный и смѣлый,
Какъ рано кончился твой жизни славный путь,
Твоихъ друзей кружокъ осиротѣлый
Спѣшитъ тебя молитвой помянуть.

При взятіи въ горахъ лезгинскаго завала,
Твоя душа рѣшимостью полна,
Почуявъ вражій духъ, какъ буря, встрепетала,
Ты первый бросился !... Какъ смерть твоя славна́ !...

Но пуля мѣткая коварнаго Лезгина
Столь благородную насквозь пронзила грудь.....
Во слѣдъ же кинулась охотниковъ дружина,
Завалъ былъ взятъ, но ты открылъ имъ путь.

Въ краю чужомъ, вдали всего, что мило,
Подъ говоръ бурнаго и свѣтлаго ручья,
Межъ дикихъ скалъ — пустынная могила,
Увы, не ороситъ слеза её ни чья.....

За то безсмертенъ духъ, твой прахъ въ землѣ истлѣетъ,
Но память о тебѣ въ полку не пропадётъ:
Кто въ жизни праведенъ, достоинства имѣетъ,
Въ преданье мирное за гробомъ перейдётъ.....

Ур. Царскіе Колодцы 27 Іюля 1859 г.

КОМАНДИРОВКА

—

Въ сырое время сидя дома,
Прочёлъ я полковой приказъ:
Въ такой-то день, въ такой-то часъ.....
А подпись очень мнѣ знакома,
Еще съ друзьями вчетверомъ
На слѣдствіе въ аулъ далёкій
Направить путь. Казакъ высокій,
Хорунжій — арміи корнетъ,
Тому назадъ немного лѣтъ
Живя съ полсотней на посту,
Кажись (не помню) за версту
Былъ засѣдателемъ отправленъ
Въ ущелье, трудно гдѣ пройти,
Лезгиновъ-хищниковъ найти,
Но былъ качагами придавленъ,
И принуждёнъ былъ отступить,

Чтобъ казаковъ не погубить ;
Потомъ почтенный засѣдатель
Сказалъ, что офицеръ предатель,
Составилъ на него доносъ.
Кто правъ, кто виноватъ — вопросъ.

Взявъ подорожную, прогоны,
Уклалъ багажъ въ мѣшокъ плетёный
И разослалъ своихъ людей
Добыть почтовыхъ лошадей.
Ну право бѣдствіе въ дорогѣ !
Проѣдешь на перекладной
Верстъ триста, отекаютъ ноги
И кости ноютъ до одной.
Порой на тройкѣ, сердцу жалкой,
Плетёшься въ часъ верстъ шесть, иль пять,
Ямщикъ устанетъ погонять,
Привстанетъ, свистнетъ, хватитъ палкой,
Но тройка дряхлая устала,
Кричишь — пошолъ ! а толку мало.
Подъѣдешь къ станціи : — Живѣй !
Колёса вымажь, запрягай-ка,

Давай хорошихъ лошадей,
Не то смотри — моя нагайка!....
Вотъ снова ѣдешь: степь, да горы,
Сады, аулы и заборы.

Но что описывать дорогу,
Добрался я — и слава Богу.
Вотъ у подножья горъ высокихъ —
Нуха уѣздный городокъ,
Туда изъ странъ весьма далёкихъ
Купцы стекаются въ кружокъ;
Онъ шелководствомъ только славенъ,
Но это въ сторону оставимъ.
Въ нёмъ крѣпость есть и комендантъ,
Казённый домъ и городничій,
Духаны, лавки, адъютантъ
И много сброду безъ различій.
Уѣздный — Князь Тарханъ-Мауравовъ,
Начальникъ добрый, честныхъ нравовъ,
Премилый сынъ лѣтъ десяти
И попугай Вивитути.
Monsieur Vaillant, сынка наставникъ —

Механикъ, фокусникъ, забавникъ,
Въ лѣтахъ ужъ, ростомъ не большой,
Французъ и тѣломъ и душой.
А съ нами въ домѣ проживаетъ
Пріятель общій князь Нико,
Онъ деньги любитъ, наживаетъ,
Живётся такъ ему легко.
Пустую жизнь разнообразя,
Грузинку держитъ на дому,
Майко — зовутъ красотку князя,
Рѣзва и нравится ему.
Ахъ, какъ она намъ надоѣла,
Поётъ, смѣётся то и дѣло,
Подыметъ платье — срамъ и стыдъ!
Лезгинку пляшетъ — полъ дрожитъ,
На шею виснетъ, вотъ потѣха,
Иному гости лишь помѣха.
По мнѣ же женщина мила
Когда умна когда скромна.
Пожалуй скажутъ: Это вздоръ!
«Влюблёнъ ты и судить не можешь,
Кокетство женщинъ — не позоръ
И вольность въ обращеньи тоже.»

Ну что же дѣлать, разный вкусъ:
Кто дыню любитъ, кто арбузъ.

Прощай Нуха, пора съ тобою
Разстаться; въ отдалённый путь.....
Намъ предназначено судьбою
Въ аулъ татарскій заглянуть.
Вотъ мы пріѣхали въ селенье,
Аулъ богатый — Учькаввахъ:
Дома построены въ садахъ,
Есть участковое правленье,
Мечеть и лавокъ цѣлый рядъ;
Тоска и скука, просто адъ!
Тутъ есть занятіе своё:
Снимать допросъ, какая мука!
Въ рукахъ бумага и перо,
Не услыхать роднаго звука,
Всё лица смуглые Татаръ,
Махмедъ, Керимъ, Юсуфъ, Джафаръ,
Лишь только слышишь, Боже правый!
Здѣсь потерять разсудокъ здравый
Не мудрено, пора домой,

Видаться съ душенькой родной:
Она соскучилась, я тоже,
Но счастье мнѣ всего дороже;
Пускай ихъ судятъ и рядятъ,
А я вернусь скорѣй назадъ!

Аулъ Учькаввахъ 15 Ноября 1859 г.

КАВКАЗЪ ПРОСТИ

Покину скоро я Кавказъ, любимый мною,
Моё привольное и мирное житьё,
И своевольною, причудливой судьбою,
Увы, разрушится спокойствіе мое!
И цѣлый годъ, Богъ вѣдаетъ далёко-ль,
Въ чужихъ краяхъ я долженъ провести,
Вдали моей *** черноокой.....
Прости Кавказъ!.... прости!....

Ур. Царскіе Колодцы 26 Іюля 1860.

В. И. П........ВУ

(НА РОЖДЕНІЕ У НЕГО ДОЧЕРИ)

—

Мой милый другъ, позвольте васъ
Съ рожденьемъ дочери поздравить,
И пожелать вамъ въ добрый часъ, —
Пусть счастье ввѣкъ васъ не оставитъ;
Пусть ваша добрая жена
Всю жизнь не вѣдаетъ печали,
Чтобъ ваша жизнь, какъ и въ началѣ,
Была бъ чиста, была бъ ясна;
Чтобъ вновь родившаяся дочь
Отъ васъ гнала всё горе прочь.
И чтобъ малютка съ колыбели
Не знала горя, ни труда,
Чтобъ тихо, мирно пролетѣли
Ея ребячества года.
Достигнувъ же поры желанной,
Пусть въ утѣшеніе отцу,

Она стезёй предначертанной
Пойдётъ достойная къ вѣнцу.
Будь выборъ мужа ей покраше,
Да встрѣтитъ счастье какъ и мать,
Я всё желаю дочькѣ вашей,
Что другъ лишь можетъ пожелать.

Ур. Царскіе Колодцы 21 Августа 1860 г.

---

*
* *

Лишь солнце затьмится,
Засвѣтитъ луна,
Мнѣ что-то не спится,
Сажусь у окна;
Прохладою вѣетъ,
Легко какъ дохнуть,
И нѣгой лелѣетъ
Усталую грудь.
Фантазія вьётся
Крылатой мечтой,
Далёко несётся
И сонъ и покой.....
Какъ тяжки мнѣ своды
Земнаго бытья!
Свободы, свободы
Желаю лишь я.....

Ур. Царскіе Колодцы 25 Августа 1860 г.

НА ЧЁРНОМЪ МОРѢ

Волна за волною и зыбь поднялась,
Ревётъ и колышется море;
Такъ грустно и страшно и дико для глазъ,
Всѣ мысли и духъ на просторѣ.
Вотъ скоро увидимъ мы грозный Стамбулъ,
Столицу владыки Востока;
Ухъ! сильная качка, Nord-West вдругъ подулъ,
Ужъ берегъ Тавриды далёко.
Семьсотъ Кабардинцевъ везёмъ мы съ собой
Въ Стамбулъ изъ роднаго Кавказа,
Ихъ жены и дѣвы, столпившись гурьбой,
Свершаютъ обряды намаза.
Прекрасенъ ихъ дикій и пламенный взглядъ
И роскошь роднаго наряда,
Глаза ихъ и нѣгой, и страстью горятъ,
Желаньямъ, увы, есть преграда:

И денно и нощно стоятъ на часахъ
Ревнивцы мужья ихъ и братья,
И радъ бы молиться : Всевышній Аллахъ !
Пошли на нихъ сонъ и заклятья.

23 Сентября 1860 г.

---

*
* *

Блуждаю я въ странѣ далёкой,
Погибъ покой души моей,
И какъ отшельникъ одинокій,
Безъ силъ, безъ чувствъ и безъ страстей.

Я схоронилъ въ душѣ унылой
Всю память двухъ счастливыхъ лѣтъ,
И вдалекѣ отъ сердца-милой —
Мнѣ счастья нѣтъ, мнѣ счастья нѣтъ!

Зачѣмъ Господь надежды рушилъ!
Зачѣмъ покинулъ я тебя!
Къ чему я мать свою послушалъ!
Я рвусь къ тебѣ, всю жизнь кляня.

Въ твои объятья, страсти пламень
Меня безумнаго несётъ,
На сердцѣ тяжесть, будто камень,
Злодѣйка грусть его сосётъ.

Мнѣ душно, сердцу нѣтъ отрады,
Безумно, пламенно любя,
Я жду денёкъ тотъ, какъ награды,
Когда увижу вновь тебя.

Пусть Богъ тебѣ даруетъ силу
Ударъ судьбы перенести,
Теперь мы вянемъ, все не мило,
Но скоро будемъ вновь цвѣсти.

И вмѣстѣ путь пройдемъ до гроба
И какъ сначала, такъ тогда,
Другъ другу вѣрны будемъ оба,
На всѣ грядущіе года.

Къ чему грустить, увы, напрасно,
Судьбины тѣмъ не измѣнить,
Смотри какъ небо чисто, ясно,
Какъ ярко мѣсяцъ въ нёмъ горитъ;

Взгляни и помни: мы съ тобою
Пространствомъ водъ разлучены,
Но всё жъ подъ кровлею одною,
Одной луной освѣщены.

Я на неё гляжу уныло,
Въ ней образъ грёзится мнѣ твой;
Хотя и грустно, всё же мило
Въ мечтахъ бесѣдовать съ тобой.

Г. Константинополь $\frac{\text{6 Октября}}{\text{24 Сентября}}$ 1860 г.

*
* *

Любезный другъ! пора, пора
Опять за старое приняться,
И прозу выгнавъ со двора,
Любимой риѳмой упражняться.
И что же въ сущности письмо! —
Конвертъ, почтовое клеймо,
Надутыхъ фразъ прескучный рядъ,
Гдѣ мало смыслу заурядъ.
Скажи не лучше ли, когда
Слова струятся, какъ вода,
Таится-ль грусть въ душѣ твоей,
Прочтёшь — и станетъ веселѣй.....
Въ исходѣ вотъ четвёртый годъ,
Что я покинулъ школьный сводъ,
Какъ птичка вырвался, вспорхнулъ
И на свободѣ отдохнулъ.....
На службѣ — ревностный солдатъ,

Въ кругу товарищей — кутила,
Не отстаю отъ нихъ назадъ,
Пока охота есть, да сила.....
И жаль, какъ вспомню иногда,
Оставить полкъ, но вотъ бѣда —
Здоровье плохо, докторъ мой
Мнѣ въ жизни прописалъ покой.
. . . .
. . . . а тамъ
Какъ разъ снесутъ къ святымъ мѣстамъ —
Гдѣ червь, проклятый людоѣдъ,
Моихъ костей сотрётъ и слѣдъ.....

Ур. Царскіе Колодцы 22 Января 1861 г.

ВЪ АЛЬБОМЪ Б. К. А.......МУ

Вы прозвали меня овечкой въ волчьей шкурѣ
И просите кой-что въ альбомъ вамъ написать;
Увы, по свойственной барашкамъ всѣмъ натурѣ,
Я не могу никакъ вамъ въ этомъ отказать.
Овечка скромная, хоть шкура и пугаетъ,
(Но по наружности нельзя людей судить,)
Вамъ отъ души всю жизнь свою желаетъ:
Въ игрѣ и въ женщинахъ удачу находить.

Ст. Алханъ-Юртъ 11 Апрѣля 1861 г.

---

*
* *

Ты мнѣ дороже всякой чести,
Готовъ покинуть для тебя
Я службу, почести, чтобъ вмѣстѣ
Прожить въ безвѣстности любя.

Что служба наша — только бремя,
Подъ часъ и старшихъ произволъ;
Я прослужилъ златое время
И пустоту во всёмъ нашолъ.

Теперь ищу я лишь покоя;
Вдали отъ свѣта удалясь,
Безъ сожалѣнія съ тобою
Объ нёмъ вспомянемъ мы подъ часъ;

И будутъ дни для насъ привольны,
Въ тѣни берёзы вѣковой,
Мы отъ заботъ житейскихъ вольны,
Вдохнёмъ свободу и покой.

Коль Богъ младенца намъ даруетъ,
Мы чувства въ нёмъ соединимъ,
Насъ честолюбье не волнуетъ,
Мы жизнь блаженству посвятимъ.

Уста къ устамъ примкнувши оба,
Душой сольёмся навсегда
И освѣтитъ нашъ путь до гроба
Любви блестящая звѣзда.

Ст. Алханъ-Юртъ 12 Апрѣля 1861 г.

ЧЕРВЛЁННОЙ МАМУКѢ

Марфѣ Б....ой

Красотка всѣмъ на удивленье!
Червлённой пылкая жена!
Ты для страстей, для упоенья,
Для жизни бурной рождена.

Нѣтъ чувствъ въ тебѣ — красы душевной,
Ты беззаботна какъ дитя,
Играешь жизнію плачевной
И даже любишь всѣхъ шутя.

Межъ всѣхъ мамукъ твоей станицы,
Ты первой славишься красой
И можешь смѣло погордиться —
Что нѣтъ соперницъ предъ тобой.

Твои глаза — очарованье!
А личько — прелесть, образецъ!
И будь ты честное созданье,
Сгубила много бы сердецъ.

Костюмъ богатый, нацьональный,
Причёска, головной уборъ,
Твой ликъ заманчивый, овальный,
И стройный станъ плѣняютъ взоръ.

На ложѣ страстныхъ наслажденій
Восторги пламеннѣй огня;
О сколько сладостныхъ мгновеній
Ты удѣлила для меня.....

Ко мнѣ какъ птичка прилетѣла
И погостивъ — вспорхнула вновь,
Играла, прыгала и пѣла
Про жизнь, про радость про любовь.....

Ты не состаришься красотка,
Счастливой будешь ты всегда,
Съ твоей безпечностью — чахотка
И смерть и горе — не бѣда.....

Кр. Грозная 27 Мая 1861 г.

Ѳ. Ѳ. А . . . . . НУ

—

Хочу товарищъ милый мой
Я побесѣдовать съ тобой;
Ты знаешь, прозой объясняться
Давно терпѣть я не могу,
Я лишь минуту стерегу,
Чтобъ только къ случаю придраться
И листиковъ четыре, пять,
Любимой риѳмой навалять.
Повѣрь, не мѣчу я въ поэты,
Мои свободные куплеты
Мнѣ не для свѣта же беречь,
Я радъ когда въ часы досуга,
Удастся мнѣ потѣшить друга,
И самому себя развлечь.
Здѣсь скучно, это ужъ не ново,
Тебѣ извѣстенъ штабъ полка, —
Въ тѣни нѣтъ даже уголка,
Нѣтъ рѣчки, лѣсу, слово въ слово:
Степь съ погорѣлою травой,

Гдѣ солнце жжётъ надъ головой
И лихорадка лишь одна
Намъ въ утѣшеніе дана.
Но скучно разсуждать о скукѣ,
Какъ будто лучшаго найти
Нельзя, чтобъ время провести;
Вотъ напримѣръ начнёмъ: въ разлукѣ
Съ тобой я скоро года два,
А сколько перемѣнъ, о Боже!
. . . .
. . . .
Тутъ смотришь: за оградой сада
Открылась хищниковъ засада,
Тамъ перестрѣлка по кустамъ,
Горятъ хлѣба, горятъ аулы
И вновь пикеты, караулы
Разсыпаны по всѣмъ мѣстамъ.
Но больше нѣтъ тѣхъ битвъ упорныхъ,
Несмѣтныхъ полчищъ Шамиля, —
Враждуютъ шайки непокорныхъ,
Въ безсильи ненависть тая.
Напасть на транспортъ безъ защиты,
Угнать стада и табуны,

Къ тому природой даровиты
Пророка вѣрные сыны.
А ночью вовсе нѣтъ проѣзда,
Затьмится свѣтъ, заблещутъ звѣзды —
Лишь путь открытъ для смѣльчака.....
Поутру — кровь близь бугорка;
И въ той крови лежитъ, увы,
Смѣльчакъ безъ буйной головы.
. . . .
. . . .

Но бросимъ всторону разсказъ,
Я описалъ тебѣ Кавказъ —
И баста. Злу всегда причины
Найдутся, какъ я ни привыкъ,
А надо укротить языкъ,
Вѣдь слишкомъ явныя личины
Открыть нельзя; помилуй Богъ!
. . . .
. . . .

Теперь займуся я тобой :
Далёко увлечёнъ судьбой,
Ты въ Ярославлѣ другъ мой нѣжный,
Взлелѣянъ жизнью безмятежной,
Съ твоей подругою женой,
Проводишь жизнь спокойно, вяло,
Хотя занятій и не мало,
Довольно службою одной
На цѣлый день имѣть работы,
Потомъ, — домашнія заботы,
Дѣтей пискливое «агу,»
Тамъ приглашенье къ пирогу,
Къ обѣду, балъ, концертъ, собранье,
Провинціальныхъ сплётень рядъ,
Визиты, вечеръ, маскарадъ, —
Мужьямъ счастливцамъ наказанье.
Я признаюся отъ души,
Твоя мнѣ не завидна доля,
Быть можетъ, я привыкъ къ глуши,
По мнѣ же въ свѣтѣ жить — неволя:
По стрункѣ дѣлай каждый шагъ,
Какъ дрессированный ишакъ.

У насъ въ штабу хоть жарко, скучно,
Но всё жъ свободнѣе дохнуть,
А надоѣстъ — отправься въ путь,
Съ ружьёмъ и шашкой неразлучно,
Ты по окрестностямъ гулять,
Пока разсѣешся опять.
Вообрази ты развлеченье:
Вдругъ выстрѣлъ!.... два!.... — спѣши въ кусты:
Глядишь — въ то самое мгновенье —
Лезгины мимо скачутъ..... Ты
Ужъ притаился..... Лѣсъ глубокій.....
Прицѣлился, спустилъ курокъ.....
Съ коня упавши, одинокъ,
Лежитъ твой плѣнникъ черноокій
Съ свинцомъ убійственнымъ въ груди,
А шайка ужь давно умчалась
И только пыль одна осталась
За ней далёко позади.....

По мнѣ милѣе вѣкъ въ волненьи
Среди опасности пожить, —
. . . .

Хотя у насъ неровны взгляды,
Но я, на поприщѣ твоемъ,
Тебѣ желаю миріады
Минутъ счастливыхъ. Насъ вдвоёмъ,
Быть можетъ, случай своевольный
Когда нибудь соединитъ,
Воспоминанье осѣнитъ
Насъ за бесѣдою застольной,
Тогда мы за ковшомъ вина —
Былыя вспомнимъ времена.....

Ур. Царскіе Колодцы 24 Іюля 1861 г.

РАЗВАЛИНЫ ЗАМКА

Царицы Тамары

—

Люблю твои развалины Тамара,
На нихъ какъ сладко мнѣ порою отдохнуть
Отъ знойнаго полуденнаго жара;
Люблю я въ прошлое мечтою заглянуть.
Пещеры тёмныя съ слѣдами обитанья,
Бойницы, терема на сумрачной скалѣ,
Всѣ эти древнія исторіи преданья
Мнѣ ясно говорятъ о дальней старинѣ.
Какъ ты жила Царица молодая?
Была-ль счастлива ты могуществомъ своимъ?
Иль также, какъ и мы, довольствія не зная,
Твой духъ тщеславіемъ и скукой былъ томимъ?
Любила-ль ты, и кто тотъ былъ счастливый,
Твоихъ, волшебница, кто видѣлъ блескъ очей?
Кого ты, съ трепетомъ любовницы стыдливой,
Ласкала въ темнотѣ таинственныхъ ночей?

Повѣдай мнѣ..... Но всё мертво, безмолвно,
Лишь вѣтеръ жалобно въ развалинахъ гудитъ,
Мнѣ про старинныя преданья баснословно
Въ словахъ таинственныхъ, загадочныхъ твердитъ.

Ур. Царскіе Колодцы 2 Августа 1861 г.

ВЪ СЕМНАДЦАТЬ ЛѢТЪ

—

Прошли съ тѣхъ поръ уже года.....
Великій постъ, — я помню ясно,
Ещё былъ юнкеромъ тогда,
Семнадцать лѣтъ — пора прекрасна!
Съ весёлой, рѣзвою душой,
Не зналъ заботъ я и печали,
Лишь сны нерѣдко возмущали
Меня невѣдомой красой.
Искалъ предмета страсти нѣжной,
Мнѣ рисовался безмятежный
Покой въ возвышенной любви;
Чуждъ сердца тайныхъ ощущеній,
Я жаждалъ новыхъ наслажденій,
Въ моей взволнованной крови

Кипѣлъ огонь; мечтою дивной
Подъ часъ взлелѣянъ я бывалъ
И въ простотѣ души наивной,
Я милый образъ рисовалъ
Искалъ я чистаго созданья,
Съ которымъ бы дѣлить я могъ
Всю жизнь отрады и тревогъ;
На языкѣ твердилъ признанья
Любви и вѣрности по гробъ;
Всё это сбыться не могло-бъ
Въ года, гдѣ всей души стремленьемъ
Мы каждымъ новымъ впечатлѣньемъ
Поражены, когда намъ свѣтъ
Такой волшебный шлётъ привѣтъ.

Но я далёко за собой
Оставилъ дней былую повѣсть,
И такъ былъ постъ: очистить совѣсть
Старался каждый той порой.
Вотъ помню въ день благополучный
Я началъ поутру говѣть:

Вошёлъ въ храмъ Божій, многозвучный
Хоръ гимны пѣлъ. Вокругъ смотрѣть
У многихъ скверная привычка;
Иной разъ миленькое личько
Насъ соблазнитъ..... помилуй Богъ!
Вѣдь это грѣхъ и святотатство,
Мы въ церкви составляемъ братство,
И тотъ, кто преступилъ порогъ,
Душой предаться долженъ Богу,
Забыть про внѣшнюю тревогу;
Я самъ увѣренъ въ томъ, но чтожъ!
Не передѣлать молодёжъ, —
Мы понимаемъ всё, что скверно,
Да легкомысленны чрезмѣрно.

Я оглянулся разъ, другой,
Скрестивши ручки, умиленно,
Колѣни преклоня смиренно,
Передъ иконою святой,
Я вижу профиль юной дѣвы.....
Раздались громкіе напѣвы,

Органъ таинственно звучалъ,
Какъ будто что-то обѣщалъ.....
Обѣдня кончилась, народъ
Толпится, въ церкви стало тѣсно,
И скрылся ликъ мнѣ столь прелестный
Толпа нахлынула впередъ.

Къ вечернѣ, — я на томъ же мѣстѣ.
Поутру вновь сошлись мы вмѣстѣ.
Она взглянула на меня
И наши встрѣтилися взоры,
Съ того таинственнаго дня
Душой сроднились мы. Укоры
Я часто самъ себѣ давалъ,
Въ молитвѣ пламенной взывалъ,
Раскаяньемъ объятый, къ Богу,
Но убѣждаясь по немногу,
Въ невинности всѣхъ чувствъ моихъ,
Смотрѣть сквозь пальцы сталъ на нихъ.

При нашей церкви, въ сторонѣ,
Пріютъ есть для сиротокъ бѣдныхъ ;
Проводятъ мирно жизнь онѣ,
Вдали соблазновъ свѣта вредныхъ,
Среди занятій и молитвы —
Имъ чужды свѣтской жизни битвы.
Такую жизнь вела она,
Мы назовёмъ её, хоть Катей,
Не всѣ-ли равны имена?
Да и притомъ, совсѣмъ не кстати,
Созвучіе имёнъ живыхъ,
Я не хочу тревожить ихъ.

Еще съ годовъ невинныхъ дѣтства,
Она осталась сиротой,
Отецъ не завѣщалъ наслѣдства,
Онъ умеръ съ вѣрою святой
И съ упованіемъ на Бога ;
Остался дядя ей одинъ,
Такой же бѣдный господинъ,
Какъ и отецъ. Подумавъ много,

Рѣшился онъ её отдать
Въ пріютъ церковный.

Но опять,
Не прерывая нить разсказу,
Начну: обѣдни я ни разу
Не пропускалъ, всегда она,
Толпой подругъ окружена,
Стояла тамъ же у иконы;
Еще мы не были знакомы,
Но тайный голосъ мнѣ твердилъ,
Что я вниманье обратилъ
Ея. Порой, бросая взгляды,
Читалъ отвѣтъ въ ея очахъ —
И билось сердце; въ горячахъ
Я только думалъ: какъ преграды
Мнѣ отстранить? Попасть въ пріютъ
Почти нельзя. Придумалъ тутъ
Я средство новое одно:
Я вспомнилъ, мой отецъ давно
Знакомъ былъ съ патеромъ-пріоромъ

И, съ дѣтства, меня патеръ зналъ,
Хотя я трудность сознавалъ,
Но юность всё считаетъ вздоромъ.

И такъ рѣшился я идти
Къ нему открыть души страданья,
Авось старикъ, изъ состраданья,
Рѣшится въ домъ меня ввести.
Онъ попечителемъ пріюта
Былъ уже нѣсколько годовъ,
Добрякъ въ душѣ, всегда готовъ
Во всёмъ помочь. Была минута
Страшна, стоялъ я передъ нимъ, —
Какъ предъ судьёю неземнымъ
И, кончивъ исповѣдь, отвѣта
Я ждалъ. — «Ты сынъ духовный мой,»
Такъ началъ онъ, — «любви земной
«Сталъ предаваться, чтожъ на это
«Тебѣ скажу : такъ созданъ свѣтъ,
«Но дай мнѣ искренній отвѣтъ,
«Когда заслужишь эполеты,

«Скажи, пойдешь ли подъ вѣнецъ? —
«А то дурной для ней конецъ,
«Коль имя доброе задѣто.»
— Да! весь въ слезахъ я отвѣчалъ.
Онъ головою покачалъ
И обѣщался дня чрезъ два
Меня представить.

Я едва
Добрался до дому, въ волненьи,
Меня не мучило сомнѣнье,
Увѣренъ былъ въ своихъ словахъ
И думалъ: — Вотъ черезъ полгода
Я офицеръ, тогда свобода
Мнѣ улыбнётся. На глазахъ,
Отъ радости, блистали слёзы
И сладкія мнѣ снились грёзы.
Въ воображеньи рисовалъ
Я Катеньку своей женою;
Карета подана, на балъ
Спѣшимъ мы вмѣстѣ, а за мною,

Я вижу многіе стоятъ:
— «Какой счастливчикъ» — говорятъ.
Подобныхъ думъ смѣнялось много.

Вотъ наконецъ дождался дня,
Казалась мнѣ длинна дорога,
Я гналъ извощика кляня.
Зашёлъ я къ патеру, — минуту
И вмѣстѣ побрѣли къ пріюту.
Меня представилъ Катѣ онъ
Глазамъ не вѣрилъ, будто сонъ
Меня опуталъ той порою
Своей волшебною игрою.....
Какой весёлый, нѣжный взглядъ
И ликъ прекрасный, бѣлоснѣжный!
Ложатся волосы небрежно
На шейку; простенькій нарядъ, —
Всё ясно мнѣ напоминаетъ
И изъ забвенья вызываетъ
Свиданій сладкихъ цѣлый рядъ.

Съ тѣхъ поръ мнѣ не были закрыты
Пріюта двери; позабыты
Страхъ и смущенье были мной,
Нерѣдко, помню, какъ весной
Сидѣлъ я съ Катей: небо ясно,
Слова казались намъ напрасны,
И недостаточны они,
Чтобъ выразить души волненье,
Въ какомъ то сладкомъ упоеньи
Мы проводили съ нею дни.
И понимали мы другъ друга
Рукопожатіемъ однимъ,
Бывало взглянетъ лишь подруга —
Я мысль угадывалъ. Любимъ
Я ею былъ и зналъ про это,
Ждалъ съ нетерпѣньемъ только лѣта,
Я думалъ: вотъ настанетъ день —
И получу я чинъ корнета.....

— «Скажи мой сынъ, какая тѣнь
«Тебя преслѣдуетъ?» — «Давно я

«Могла замѣтить, предъ Святою
«Ты измѣнился, скучнымъ сталъ
«И веселиться пересталъ».....
Такую рѣчь вела со мною
Моя заботливая мать ;
Я всё молчалъ, не смѣлъ сказать
Я ей причины настоящей
Не потому, чтобъ зналъ въ томъ зло,
Но мнѣ казалось тяжело,
Скрывая долго ходъ блестящій
Отъ ней продѣлокъ всѣхъ моихъ,
Признаться напослѣдокъ въ нихъ.
Но дѣлать нечего, склонился
Я противъ воли передъ ней,
И со смиреньемъ повинился
Въ поступкахъ юности моей.
Просилъ ея благословенья,
Я говорилъ : — Ужъ близокъ часъ !
Но не хочу печалить васъ,
Вы дайте сами позволенье.
Мнѣ мать отвѣтила : — «Дитя !
«Въ твоихъ лѣтахъ ты самъ не знаешь

«Къ чему стремишься, что желаешь,
«И смотришь ты на жизнь шутя;
«Отецъ твой умеръ и не я-ль
«Должна давать тебѣ совѣты?
«Я признаюсь, мнѣ очень жаль,
«Но за тебя должна отвѣты
«Я Богу послѣ смерти дать;
«Вѣдь ты увѣренъ, зла желать
«Я не могу тебѣ. — Отнынѣ
«Ты будь умнѣй и чтобъ въ поминѣ
«Женитьбы не было; пройдутъ
«Пусть года два и, если будешь
«Ты Катю, какъ теперь, любить,
«Тогда будь счастливъ, такъ и быть!»
— «Надѣюсь, другъ мой, не забудешь
«Ты словъ моихъ.....»

И смолкла мать.
Не въ силахъ слёзъ былъ удержать,
Какъ будто громомъ поражённый,
Я недвижимъ стоялъ предъ ней

И въ головѣ, столь напряжённой,
Перебѣгала тьма идей :
Я думалъ — хороша свобода !
Еще придётся ждать два года
И жизни тяжкій крестъ нести ;
Но противъ матери идти
Не смѣлъ я и не думалъ даже,
Рѣшился предпринять вояжи,
Развлечься, ожидая срокъ,
Который былъ ещё далёкъ.

Прощайте славные года
Весёлой юности безпечной !
Какъ было весело, когда
День производства быстротечный
Настал. Былъ смотръ для выпускныхъ :
Прощаясь съ юнкерской одеждой,
Я утѣшалъ себя надеждой
И ждалъ всѣхъ радостей земныхъ,
Надвинувъ на уши папаху,
Дѣвчёнкамъ задавалъ я страху,

И радъ всему былъ, какъ дитя,
Игрушкамъ.

Пять недѣль спустя
Былъ срокъ назначенъ для отъѣзда;
Стоялъ я грустный у подъѣзда
Передъ пріютомъ, позвонилъ,
Какой-то духъ меня манилъ
Туда въ пустынную обитель,
Тоской объятый, я молилъ:
Услышь слова мои Спаситель!
И сдѣлай — чтобъ свиданья часъ
Скорѣй приблизился для насъ.
Открыли дверь и на порогѣ
Я встрѣтилъ Катю, ужъ давно
Она ждала меня въ тревогѣ;
Увы, мнѣ было суждено
Въ тотъ самый день проститься съ нею,
Съ печалью сильной и живой,
Я предъ возлюбленной своею
Стоялъ, какъ призракъ гробовой.

Заговорилъ я : — Часъ разлуки
Насталъ, я ѣду на Кавказъ
Переносить лишенья, муки,
Въ надеждѣ вновь увидѣть васъ.
— Рѣшила мать моя — два года
Намъ обождать, за что невзгода
На насъ обрушилась, увы,
Не знаю я, но для любви
Два года — вѣчность. — Непреклонный
Намъ рокъ смягчить надежды нѣтъ,
И такъ, вы дайте мнѣ обѣтъ
Въ любви и вѣрности. — Огромный
И дальній предстоитъ мнѣ путь.....
Не могъ я досказать, на грудь
Она повисла мнѣ, рыдая,
И долго плакала она ;
Но вдругъ рѣшимостью полна,
Моя подруга молодая
Отёрла слёзы, на меня
Взглянула пламенно и нѣжно,
Потомъ въ молитву безмятежно,
Головку къ образу склоня,

Она всей мыслью погрузилась
И долго, искренно молилась.......
Перекрестилась, поднялась,
Меня рукой благословила
И предъ иконой поклялась
Въ любви и вѣрности. Унылый
И грустный я предъ ней стоялъ,
Её въ объятія принялъ
И нѣжный поцѣлуй прощальный
Раздался. Было тяжело
Обоимъ, горе насъ гнело,
Настал разлуки мигъ печальный,
Сказавъ послѣднее «прости,»
Я удалился.

Отвезти
Велѣлъ свои два чемодана
Въ дебаркадеръ по утру рано,
Потомъ билетъ взялъ до Москвы,
Съ родными, съ матушкой простился,
Свистокъ! — народъ засуетился
И поѣздъ тронулся.

Увы,
Прошли съ тѣхъ поръ былые годы
И вспомнить я люблю, подъ часъ,
Пріюта каменные своды
И въ нихъ сіянье милыхъ глазъ.
О юность — вѣтрянное племя!
Какіе золотые сны
Тебя преслѣдуютъ всё время
Твоей заманчивой весны.
Какъ жизнь въ тѣ годы намъ привольна,
Не зная горя, ни заботъ,
Повѣрить рады мы невольно
Всему что въ голову придётъ.

Ур. Царскіе Колодцы 4 Августа 1861 г.

*
* *

Не вѣрь, ни на что не надѣйся,
На жизнь равнодушно смотри,
Надъ чувствами всѣми посмѣйся,
Для нихъ свое сердце запри.

Услышишь изъ устъ дѣвы милой: —
«Быть вѣрной» — обѣтъ до могилы,
Не вѣрь, не влюбляйся на глазъ,
Измѣнитъ красотка какъ разъ.

Назовётся-ль кто тебѣ другомъ,
Хотя и покажетъ примѣръ,
Не вѣрь безкорыстнымъ услугамъ,
Онъ вѣрно въ душѣ лицемѣръ.

Случится-ль тебѣ въ чёмъ удача —
Воздастъ тебѣ славу и честь
И бѣдный, и кто побогаче,
Не вѣрь — это зависть и лесть.

Придётся-ль тебѣ быть въ несчастьи,
Всѣ скажутъ: «Бѣдняжку какъ жаль!»
Не вѣрь ты въ людское участье —
И гордо сноси ты печаль.

Задумаешь-ли ты жениться,
Невѣста умна и мила,
Не вѣрь, когда бракъ совершится,
Откроешь ты много въ ней зла.

Ты боленъ, — роднымъ твоимъ горе
И плачутъ, лекарства даютъ,
Не вѣрь, съ нетерпѣньемъ во взорѣ,
Наслѣдства и смерти всѣ ждутъ.

Не вѣрь, ни на что не надѣйся,
На жизнь равнодушно смотри,
Надъ чувствами всѣми посмѣйся,
Для нихъ свое сердце запри.

Тифлисъ 28 Марта 1862 г.

*
*   *

Невольно думаешь: откуда этотъ людъ?
Куда стремится онъ? Всѣ ѣдутъ и бѣгутъ.
Вотъ мчится модный франтъ на рысакѣ богатомъ,
Гостиныхъ, бальныхъ залъ, — обычный полотёръ,
Онъ величается большимъ аристократомъ,
Лоскъ просвѣщенія онъ въ обществѣ натёръ.
Вотъ знатный генералъ, съ осанкой благородной,
Прохожимъ всѣмъ почти бросается на видъ,
Онъ, съ должной важностью, лишь знатности природной
И равночиннымъ съ нимъ спѣшитъ отдать визитъ.
Вонъ — прапорщикъ лихой, на ванькѣ неопрятномъ,
Съ воинственнымъ лицомъ, фуражка на бекрень,
Въ весёломъ обществѣ, въ кругу дѣвицъ пріятномъ,
Христосоваться радъ хоть цѣлый божій день.
Тамъ пробирается смиренно по панели

— — въ засаленной шинели,
Гдѣ рюмочку хлѣбнётъ, а гдѣ и спину съёжа,

. . . .

. . . .

Почтенный батюшка — съ крестомъ и всею свитой,
Изъ хаты мужика въ домъ знати именитой
Заходитъ всюду самъ, по добротѣ души, —

. . . .

. . . .

Спѣшитъ совѣтникъ ужъ конечно не въ совѣтъ,
Вѣкъ цѣлый свой къ столу онъ службою прикованъ
И лишь по праздникамъ онъ видитъ божій свѣтъ.
Базарныхъ, дворниковъ и всѣхъ приказныхъ крысъ
Кружки, какъ коршуны, по лѣстницамъ взвились,
Благодаря въ душѣ нашъ прадѣдовъ обычай,
Который въ этотъ день имъ много дастъ добычи.
Взгляните далѣе, слегка уже шатаясь,
Плетутся мужички, съ яичками въ рукахъ;
Какая радость имъ, весь постъ не напиваясь,
Сегодня ужъ зато напьются въ кабакахъ:

. . . .

И изліяньямъ чувствъ сердечныхъ нѣтъ конца,
Кто подъ вечеръ домой ползётъ съ подбитой рожей,

А кто и въ ночь хлѣбнётъ родимаго винца.
И три дня цѣлыхъ пъянство и обжорство длится,
Никто не вздумаетъ и Богу помолиться,
А между тѣмъ, всѣхъ лицъ и состояній смѣсь,
Не понимая словъ, твердитъ — «Христосъ воскресь!»

Тифлисъ 8 Апрѣля 1862 г.

СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ

(Фантазія)

—

Туда, туда, гдѣ небо ясно,
И звонкій голосъ соловья
Переливается такъ страстно, —
Туда душой стремлюся я!

Гдѣ нѣтъ удушливыхъ приличій,
Гдѣ нѣтъ оковъ для бытія,
Гдѣ нѣтъ, ни блеска, ни отличій, —
Туда душой стремлюся я!

Туда, гдѣ тонкой лести чужды,
Обычай прадѣдовъ храня,
Живутъ безъ роскоши, безъ нужды, —
Туда душой стремлюся я!

Туда, туда, гдѣ нѣтъ искуства,
Гдѣ вѣру въ Бога не тая,
Умомъ не притупляютъ чувства, —
Туда душой стремлюся я!....

С. Петербургъ 25 Января 1863 г.

---

*
* *

Вступая впервые въ обманчивый свѣтъ,
Ты чувствамъ своимъ не ввѣряйся,
И мудрымъ отцамъ твоимъ идя во слѣдъ,
Живи, какъ они наслаждайся.
Ищи развлеченій достойныхъ себя,
Либеральное прочь направленье,
Шали сколько хочешь, шалить для тебя —
Годовъ твоихъ юныхъ стремленье.
Долговъ ты не бѣгай, безъ нихъ не хвастнуть,
Безъ нихъ не пожить и со вкусомъ;
Умѣй поклониться, гдѣ нужно — блеснуть,
Въ мазуркѣ покручивать усомъ.
Съ почтеньемъ предъ сильнымъ вельможею стой,
И думай: онъ вѣкъ пригодится;
Въ словахъ — осторожность, вѣдь правдой пустой —
И хлѣба куска не добиться.

Въ старушкахъ заискивай, даже польсти,
Гдѣ нужно пожалуй немножко,
Старушки вѣдь тоже на свѣтѣ въ чести,
Чрезъ нихъ хоть куда есть дорожка.
Не бѣгай ты женщинъ, въ ихъ модномъ кругу,
Къ высокому встрѣтишь призванье,
Попалась кокетка, — на первомъ шагу,
Въ любви ты ей дѣлай признанье,
Поддастся игрушка, а нѣтъ — не бѣда,
Хвостомъ служи бальной кометѣ,
Во всёмъ своя выгода, быть безъ стыда —
Вѣдь тоже достоинство въ свѣтѣ.
Съ дѣвицами знайся, но помни одно:
Женитьба позднѣйшее бремя,
Жениться тогда лишь пора и умно —
Когда сгубилъ силы и время.
Люби рысаковъ, будь картёжникомъ, пей,
Займись содержанкою модной,
Публично презрѣнье высказывай къ ней,
. . . .
Но если ты дѣвушку встрѣтишь одну
И съ искреннимъ чувствомъ полюбишь,
Снискавъ въ ней взаимность, — за эту вину

Себя и её ты погубишь!

. . . .

. . . .

Встрѣчайся со свѣтомъ лицомъ вновь къ лицу,
Забудь про тревожныя думы,
Въ нихъ много кручины и много въ нихъ слёзъ,
О молодость, имъ не ввѣряйся,
Примѣру послѣдуй сѣдыхъ ты волосъ,
Живи — какъ они наслаждайся!....

С.-Петербургъ 17 Марта 1863 г.

*
* *

Несись, несись быстрѣе лани,
Въ саняхъ на тройкѣ вороной!
Кто не платилъ посильной дани
Причудамъ юности шальной!

Кто не увлёкся въ мірѣ этомъ,
Разокъ хоть на вѣку своемъ!
Чужимъ умомъ, чужимъ совѣтомъ,
Увы, мы жизнь не познаемъ.

Куда несёшься въ вихрѣ снѣжномъ?
Куда стремишься ты мечтой?
Быть можетъ, въ сердцѣ этомъ нѣжномъ
Пылаетъ страсть; но красотой

Не увлекайся. Свѣжъ и молодъ,
Надъ сердцемъ ты страшись побѣдъ;

Пусть кровь кипитъ, душевный холодъ
Ты сохрани до зрѣлыхъ лѣтъ.

Не истощай душевной силы,
Не трать восторговъ для любви,
Но беззаботно съ дѣвой милой
Минуты свѣтлыя лови;

Промчится юность скоро, скоро
И, вспомнивъ про былые дни,
Не бросишь имъ во слѣдъ укора,
И скажешь: радостны они!

Несись, несись быстрѣе лани
Пока нѣтъ горя, ни заботъ,
Кто юности не платитъ дани, —
Тотъ вполовину лишь живётъ.

Новотеребье 23 Октября 1863 г.

СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ

(Дѣйствительность)

—

Унеси ты меня
Изъ сторонушки той,
Мнѣ страшнѣе огня —
Жизни вѣчный застой....
Тамъ весна такъ красна
Отъ наплыва воды,
Что уноситъ она,
И мосты, и плоты.
Лѣтомъ — злы комары,
Мухи мошки, слѣпни,
Изъ болота — пары
И ненастные дни.
Да и язва притомъ,
Что «сибирской» зовутъ,
Человѣка съ скотомъ
Уровняла, и мрутъ

Много, много отъ ней,
Безъ подмоги врача,
Препочтенныхъ людей,
Какъ къ зимѣ саранча;
Хоть и есть у попа
Съ кислотою флаконъ,
Да вѣдь чернь то глупа,
Не пойдётъ на поклонъ —
Чтобъ снадобья добыть,
Суждено, скажетъ, быть,
Значитъ Божья гроза —
И — закроетъ глаза.....
А подъ осень — бѣда! —
Слякоть, грязь, да вода,
Ни верхомъ, ни пройти,
Хоть на крыльяхъ лети.
А зимою — морозъ,
И метель, и снѣга,
Заморозишь свой носъ,
Иль отмёрзнетъ нога.
А волковъ то, волковъ, —
Будто въ хатѣ клоповъ,
И не счесть, не согнать,

Богомъ посланы знать!
А народъ то, народъ,
Что мужикъ то — уродъ,
Не лицомъ, но умомъ, —
Просвѣщенья нѣтъ въ нёмъ;
Но надуть, провести,
Иль обмѣрить, обчесть,
За копѣйку ползти, —
На то смѣтливость есть;
Вѣру въ чорта съ хвостомъ,
Да въ дурной сѣрый глазъ,
Приходилось притомъ
Примѣчать мнѣ неразъ:
Пройти полночью лѣсъ
Мужичокъ не рискнётъ,
Убѣждёнъ онъ, что бѣсъ
Ему шею свернётъ.
Домовому — почётъ,
Онъ хозяинъ въ избѣ,
Пропадётъ, утечётъ, —
Значитъ быть такъ судьбѣ!
Покачавъ головой,
Мужичокъ проболтнётъ:

«Знать унёсъ домовой,»
Ляжетъ на печь, — заснётъ.....
А на печкѣ клоповъ,
Да зловонныхъ паровъ
Отъ капусты, овчинъ,
Да коптящихъ лучинъ, —
Просто Богъ упаси
Мужиковъ на Руси!

П. Новотеребье 24 Января 1865 г.

*
* *

Воля, волюшка–ура!
Съ плечь свалилася гора,
Нѣтъ ни розогъ, ни плетей,
Что захочешь, то затѣй.
Мужичокъ работу брось,
Экъ нужда трудиться,
Богъ нашъ милостивъ, авось
Съ неба хлѣбъ свалится.
Выпей утромъ, вечеркомъ,
Гдѣ же тутъ помѣха,
Пей хоть мѣсяцъ цѣликомъ,
Жизнь то вся — потѣха!

Купчикъ–мупчикъ не робѣй,
Нѣтъ препятствій *ндраву*,

По трактирамъ окна бей,
Да гуляй на славу;
Лишь повытрусишь карманъ
И себя прославишь,
Какъ возмёшься за обманъ —
Вновь его поправишь.
Цѣны шибче набивай,
Курсъ упалъ не даромъ,
Знай себя, да нагрѣвай
Деньгой, самоваромъ.

Вы, честные господа!
Разныхъ предпріятій
Учредители — бѣда,
Намъ отъ вашихъ братій;
Воду провести хотятъ
По домамъ столицы,
Года три крехтятъ, пыхтятъ, —
Капли нѣтъ водицы.
То затѣютъ фонари —
«Тёмный свѣтъ Шандора,»
Съ нимъ до утренней зари

Благодать для вора.
Портятъ рельсами проспектъ
И ломаютъ шеи,
Всё комфортъ и всё эффектъ, —
Новыя идеи.....

Вы, прелестныя mesdames
Щегольскаго свѣта,
Узнаютъ васъ по задамъ
Вашего туалета;
Вамъ матеріи не жаль,
Чтобъ мести панели,
Надоѣстъ — летите въ даль,
Безъ ума, безъ цѣли....
Льётся быстрою рѣкой
Ваша жизнь въ Парижѣ,
Курсъ нашъ низокъ, чтожъ такой, —
Упадётъ и ниже.

Вы, поклонники у насъ
Русскаго прогресса,

Врите больше въ добрый часъ,
Что разумна пресса,
Что стремленій новыхъ рядъ.....
Всё переродилось.....

. . . .

П. Новотеребье 2 февраля 1865 г.

*
* *

Наединѣ съ тобой Анюта,
Мнѣ снова милъ сталъ Божій свѣтъ,
О еслибъ каждая минута
Могла продлиться на сто лѣтъ;
О еслибъ твой стыдливый лепетъ
И поцѣлуевъ жаркихъ рядъ,
Въ моихъ объятьяхъ страстный трепетъ
И задушевный, томный взглядъ
Продлились вѣчно!.... Но судьбою
Намъ жизнь иная суждена,
Коль вновь мы встрѣтимся съ тобою —
Ты будешь вѣрно холодна
И, сердце покоривъ разсудку,
Въ отвѣтъ на сладкія мечты,
Принявъ любовь мою за шутку,
«Безумецъ жалкій!» скажешь ты.
Меня разлюбишь, позабудешь,

Увы, ты скоро можетъ быть
И безъ меня счастливой будешь,
А мнѣ тебя не позабыть!....
Но если быть тебѣ въ несчастьи,
Взгрустнётся ли тебѣ порой,
Ты вѣрь всегда въ моё участье,
Зови и сердце мнѣ открой;
На дѣлѣ горе я разрушу,
Съ тобою чувства раздѣлю,
Я лаской успокою душу
И словомъ грусть твою убью.....

Г. Череповецъ 30 Іюня 1866 г.

---

*
*   *

Когда подъ часъ въ груди твоей больной
Заляжетъ камнемъ горькая кручина,
И кровь прильётъ удушливой волной
И ты почувствуешь: увы близка кончина,
Не проклинай его, и безъ того убитъ,
На жизнь, на будущность взираетъ онъ съ испугомъ,
Слеза раскаянья въ глазахъ его блеститъ
И точитъ сердце мысль разлуки вѣчной съ другомъ.
Отверженъ онъ давно Всевышняго рукой,
Онъ жизнь твою вскормилъ смертельнымъ ядомъ,
То возрождалъ въ тебѣ онъ счастье и покой,
То вновь тебя губилъ единымъ взглядомъ.
Судьбой сбалованный, тобою онъ игралъ
И чувства пылкія онъ разжигалъ безъ цѣли.
При видѣ слёзъ твоихъ, онъ къ ласкамъ прибѣгалъ,
Покуда ласки вновь ему не надоѣли.
Не обвиняй его такъ строго, въ тьму проказъ
Онъ пылкимъ юношей попалъ по волѣ рока,

Въ развратѣ грубомъ рано онъ душой погрязъ —
Невинной жертвою соблазна и порока.
Ты полюбила въ нёмъ открытый, смѣлый нравъ,
Невольно увлеклась простымъ его разсказомъ,
И думала въ душѣ: «Несчастный! онъ вѣдь правъ,
«Безъ дружбы, безъ любви, легко затьмится разумъ.»
Предавшись пламенно всей юною мечтой,
Ты вскорѣ для него на свѣтѣ всё забыла,
Ты жизнь ему спасла, но жизни жалкой той
Отъ порчи нравственной, увы, не возродила.
Не проклинай его, покорна будь судьбѣ —
. . . .
. . . .
Прости ему, прости, онъ пламенно любилъ,
Терзая медленно, онъ зло творилъ невольно,
Съ твоею за одно онъ жизнь свою сгубилъ,
Весь адъ въ его груди, а сердцу больно, больно!....

Чистополь 20 Мая 1867 г.

НА СМЕРТЬ МЛАДЕНЦА ДОЧЕРИ

—

Миръ праху твоему малютка,
Спи безмятежнымъ, тихимъ сномъ!
Блеснула жизнь твоя минутку
Для насъ блуждающимъ огнёмъ;

Но Богъ судилъ намъ испытанье,
Ударъ ниспосланный судьбой,
Обрёкъ насъ слёзамъ и страданью,
Спи ангелъ Катя, Богъ съ тобой!

Ты будь святымъ для насъ залогомъ
Согласья, мира межъ собой,
За насъ заступницей предъ Богомъ,
Спи ангелъ Катя, Богъ съ тобой!

Когда же свѣтъ для насъ затьмится
И стукнетъ нашъ послѣднiй часъ,
Проводникомъ спѣши явиться,
Въ обитель вѣчности для насъ!

С.-Петербургъ 10 Января 1868 г.

ЦѢНА 65 КОП. СЕР.

Продается у книгопродавца Битепажа, въ Гостинномъ Дворѣ, по Невскому проспекту, и у другихъ.

